

18+

Виктор Кротов

О чувстве любви

Его детство, юность и зрелость

Виктор Кротов

**О чувстве любви. Его
детство, юность и зрелость**

«Издательские решения»

Кротов В.

О чувстве любви. Его детство, юность и зрелость / В. Кротов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833992-9

Здесь говорится о том, что такое чувство любви и чем оно отличается от обобщённого понятия «любовь» для мужчины и женщины. Даны конспективные изложения темы некоторыми известными авторами и подборка цитат из разных авторов о чувстве любви и его свойствах. Автор делится и историей собственной любви, определившей его судьбу.

ISBN 978-5-44-833992-9

© Кротов В.
© Издательские решения

Содержание

Раздел 1	6
Широкое и узкое понимание любви	6
Где же старость любви?	7
Сон про общую душу	7
Влюблённость	9
Стихийное и сознательное	10
Набор высоты	11
Узнавание	12
Сон про тихих старичков	12
Место в душе	14
Содействие и противодействие	15
Отклик	16
Любовь как сотрудничество	17
Великая асимметрия	18
Сон про соединяющий раздваиватель	18
Угасание или неугасимость	19
Любовь как усвоение	20
Раздел 2	21
Очертания темы	22
Отличительные признаки	23
От детства к юности	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

О чувстве любви Его детство, юность и зрелость

Виктор Кротов

© Виктор Кротов, 2017

ISBN 978-5-4483-3992-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На обложке фото из семейного архива, относящееся к последнему разделу: «Моя реальная история».

Раздел 1

Чувство любви: его детство, юность и зрелость

Попытка присмотреться в целом

Широкое и узкое понимание любви

Пусть простят меня физики, если усмотрят здесь недостаточное почтение к их физическим теориям, но я всерьёз думаю, что любовь (в широком смысле слова) – одна из важнейших сил в мире. Может быть, просто важнейшая.

Тема эта вбирает в себя весь спектр проблем человеческого существования. Любовь к другому человеку и любовь к самому себе, любовь к Богу и любовь к человечеству, да и многие прочие переживания, к которым принято прилагать слово «любовь».

Даже ненависть представляется порою всего лишь чёрным антиподом любви, не имеющим самостоятельного духовного бытия (хотя наивно было бы не причислять ненависть к реальным силам, действующим в мире).

К любви в широком смысле слова можно свести всё на свете, даже такие действительно физические силы, как магнетизм и электричество. Некоторые чувства тоже вполне можно было бы обозначить словом «любовь» (чувство дружбы, родственные чувства, чувство социальности, чувство веры...). Получается даже, если подумать, что не некоторые, а практически всё.

Теперь об узком понимании. О любви мужчины к женщине и женщины к мужчине. Но и это понимание не так уж узко, в нём тоже можно увидеть отражения всех остальных проявлений любви. Зато оно гораздо конкретнее, оно относится к особому чувству, очертания которого хорошо различимы для человека, даже если он не имеет достаточного знакомства с этим чувством в собственной жизни. Впрочем, чаще всего человек таким опытом обладает.

Где же старость любви?

Если уместно говорить о детстве, юности и зрелости любви, то где же естественное продолжение цепочки? И разве не следовало бы завершить этот перечень, как это ни печально, смертью?

Продолжения цепочки нет.

Детство любви – это состояние становящегося чувства, большеглазого восторга и созерцания, это состояние влюблённости и соучастия, ещё лишённое ответственности за себя самое и за судьбу другого человека. Детство любви, влюблённость – это ещё лишь опьянение возможностью любви.

Юность любви – это её духовное совершеннолетие, это найденная для своей судьбы разгадка полярности человеческой природы, это признание другого человека единственным для своей души, для своей судьбы, для своей жизни.

Зрелость любви – это полнота *встречи навсегда*. Это внутреннее срастание двух личностей в одну, это освобождение от себя-изолированного, от себя-отделённого, от себя-независимого. Это жизнь среди тайны и чуда, стремящаяся быть достойной этой тайны и этого чуда.

Что касается старости... Я скажу сейчас неудобную вещь. Невозможно чувству любви (в узком и высоком его понимании, в понимании пронзительном) быть состарившимся. Или это чувство соединяет одного человека с другим навсегда, единственным образом, или это просто другое чувство.

Пусть это будет чувство дружбы, пусть чувство любви в широком, всё вбирающем и тоже прекрасном смысле слова, но не то чувство любви, которое замешано на вечной молодости человеческого духа.

Это неудобно тому, кто хочет каждую из радужных своих влюблённостей обозначить словом «любовь». Неудобно тому, кто устал от напряжения любви и хотел бы жить, как рантье, на проценты от прошлого. Неудобно в разных отношениях. Так бывает всегда, когда мы пытаемся приравнять подобие чувства к чувству подлинному.

То, что можно было бы назвать старостью или даже умиранием чувства любви – это лишь развеивание иллюзии. Это означает, что чувству нашему не удалось выйти из детства, какие бы взрослые одеяния оно ни примеряло.

Сон про общую душу

Голубая трава, зелёные стволы деревьев и их фиолетовая листва – всё это было необычно даже для сна. Но куда необычнее было создание, с которым мы оказались рядом на голубой опушке зеленоствольного, фиолетоволиственного леса.

Больше всего оно напоминало августовское созвездие, спустившееся с ночного неба, чтобы по-человечески побеседовать о жизни с кем-нибудь из людей. Оно было большим и светлым. В его виолончельной интонации чувствовались грусть и доброта.

Мы с моей любимой сидели, держась за руки, и слушали его, как слушают музыку. Мы не жалели, что это не *наша* общая душа. Наша и так уже всегда с нами.

Я не «оно», распевало звёздное создание, не думайте обо мне «оно». Лучше называйте меня Онаон, в этом имени много воздуха и есть доля глубинного смысла. Конечно, у каждой общей души есть своё небесное имя, но это тайна, тайна. Онаон – так можно думать о каждой общей душе. Вы, люди, иногда о чём-то догадываетесь, вы придумали миф об Андрогине, вы говорите, что браки заключаются на небесах, но... О, как нелегко приходится нам от ваших заблуждений!..

Онаон затуманилась, запечалилась, взмахнула звёздными руками и вздохнула, повеяв на меня запахом сирени. И взглянула на нас так, что сердца наши дрогнули в ответ и отозвались сочувствием, не требуя подтверждений.

Спасибо, спасибо, откликнулась Онаон, сочувствие лечит. Тем более – сочувствие нашедшихся. А мне так трудно, так трудно. Ну поглядите, что он делает!.. Сейчас помогу вам увидеть... И Онаондохнула на голубой ковер лужайки. Прозрачное пятно раздалось окном – не вниз, а в дневную земную жизнь из жизни звёздной и сновиденческой.

Усталый мужчина лет тридцати пяти сидел на кухоньке за столом, заваленным бумагами, и печатал на машинке. Кружка с кофейной гущей, пепельница с горой окурков выдавали в нём работоголика, отделённого своим занятием от всего остального мира.

Нет, нет, сокрушалась Онаон, вы только посмотрите на него! А ведь час назад он письмо от неё получил, которое она несколько лет не могла написать. И не помчался!.. Опять в свою работу забился. Ничего ещё не понял, хотя пора уже. Сколько можно по своей судьбе блуждать поперёк... А через месяц позвонит – она уже обижена будет, что не понял, не приехал сразу. А жизнь идёт, идёт... Не разгадают себя друг в друге – и всё сначала придется начинать. Кто верит из вас в странствия по воплощениям, кто не верит, но что же делать тем, кто не успел друг друга найти?.. И каково общей душе снова разрываться между двумя судьбами!..

Онаон сновадохнула на окно, ведущее из сна. Окно затуманилось, прояснилось снова и разделилось на два окна. В каждом из них мы увидели подобие Онаон. Одно – словно пригашенное, сутулое, парило возле приоткрытой оконной створки в той же кухоньке, заваленной бумагами, и тоскливо смотрело на звёзды, которых не замечал погружённый в работу мужчина... Другое, посветлее, но вместе с тем и прозрачнее, сидело рядом с женщиной на балконе, прикинувшись к ней, обняв её, хотя женщина, охваченная тоской, не замечала этого невидимого соседства...

Каждое из подобий Онаон казалось лишь призраком звёздной, светящейся общей души. Два сиротливых потерянных призрака... Но вдруг оба они что-то ощутили – может быть свет из нашего окна или взгляд своей общей души. Надежда сверкнула в их грустных глазах... Мужчина оторвался от бумаг и с неясной тревогой посмотрел в ночное небо. Лицо женщины стало светлее, и почти незаметная мечтательная улыбка тронула её губы...

Онаон пела всё печальнее. О мужском и женском, сливающимся в человеческое по закону тайны, о земле и звездах, соединённых друг с другом и соединяющих людей незримыми лучами, о разъединённости, без которой невозможна была бы встреча... Онаон пела, голубая лужайка покачивалась в такт виолончельному голосу, а мы с моей любимой лишь крепче сжимали руки, зная вкус и потерянности и встречи.

Влюблённость

Это приподнятое и непростое состояние (не будем спешить называть его чувством) знакомо, наверное, каждому. Волна душевного напряжения, когда другой человек становится для тебя особым, когда сердце... Стоп. Оставим это искусству – воспевать ту гамму переживаний, которую открывает влюблённость.

Сейчас нам важнее понять, как влюблённость соотносится с чувством любви.

Часто именно влюблённость хочется принять за чувство любви. Именно к влюблённости относятся, как правило, меткие житейские афоризмы, жонглирующие обтекаемым словом «любовь». Именно влюблённость может подменить в сознании представление о подлинном чувстве. В чём же разница между ними?

Чередой особых эмоциональных состояний – влюблённость – подвластна общим психофизиологическим закономерностям. Этим и пользуется житейская умудрённость в своих суждениях о ней.

Влюблённость может поражать исключительной остротой ощущений, но не имеет ещё самостоятельной силы, способной противостоять психической механике, нашим внутренним «шестерёнкам». Влюблённость больше зависит от обстоятельств, чем от личности того, на кого она направлена. Влюблённость эгоцентрична, и в этом её парадоксальность: она направлена на другого, но озабочена, по сути, собственными индивидуальными проблемами. Ей не хватает понимания другой души. Не хватает способности к соединению двух душевных миров.

Влюблённость – это не всегда детство любви, не всегда у неё есть будущее. На примерах влюбчивых людей мы можем изучать полный цикл развития влюблённости – от первого учащённого сердцебиения до последнего печального вздоха. Как к ней относиться? Может быть, для того, чтобы понять это, важнее понимать не что такое влюблённость, а что такое любовь?

И не всегда начало любви – непременно влюблённость. Само чувство любви исполнено тайны, и возникновение его не сводится ни к какой схеме. Вырастает ли это чувство из дружеской симпатии, из сострадания, из преклонения или из влюблённости, главное в нём – та необычная, единственно возможная связь между двумя душами, женской и мужской, переживание которой поднимает нас над единичным, однополюсным существованием.

Стихийное и сознательное

Одним из традиционных изображений глубокого чувства любви является образ стихийной страсти, которая вторгается в сознание человека подобно циклону или весеннему паводку. А если это стихия, то много ли значит рядом с ней наше сознательное участие в судьбе этого чувства? «Стихия – явление природы, обнаруживающееся как мощная сила, независимая от воздействий со стороны человека», – гласит толковый словарь. Но если это действительно так, то получается, что человек способен лишь переживать это чувство, наслаждаться им, страдать от него. Играет ли тогда какую-нибудь роль наша внутренняя ориентация, наши душевные усилия, наше участие в жизни этого чувства?

Для ощущения стихийности оснований много.

Стихийным нам представляется действие психофизиологического механизма, если мы плохо разбираемся в человеческой природе вообще или в себе самих в частности. Стихийным нам кажется чудо, если мы не привыкли с уважением относиться к силовым линиям судьбы, мудрости Провидения. Стихией врывается в нашу жизнь резонанс ответного чувства.

Иногда и мы сами подыгрываем этому ощущению стихийности: так проще, так ниже уровень внутренней ответственности. Во внешней жизни стихией называют то, на что человек воздействовать *не может*. В жизни внутренней велик соблазн отнести к стихийным явлениям и то, на что мы *не хотим* воздействовать. Стихия – и всё тут!

Не стоит ни недооценивать, ни переоценивать свои сознательные возможности сотрудничества с судьбой. Важно – на что идут усилия. На поддержание внутреннего комфорта? На поиск удовольствий и наслаждений? На поиск подлинного решения своей душевной жизни? На духовное самоопределение?..

Сочетание стихийного и сознательного начал в чувстве любви (и не только в нём, может быть) наводит на сравнение с воздухоплаванием. Чтобы справиться с воздушной стихией, необходимы и знание аэродинамических законов и владение искусством пилотажа. И способность почувствовать, что настоящий полёт – это всегда чудо.

Набор высоты

В чём особая сила чувства любви? Каковы основные признаки его подлинности? Вряд ли кто-нибудь сможет ответить на эти вопросы одинаково для всех. Но *задать* их себе и попробовать *ответить* для себя – дело другое. Я попробую. Попробуй и ты, читатель.

Может быть, главное – это выход на высоту, преодоление обыденного жизневосприятия, прикованности к себе самому. Хорошо, если на высоту выносит потоком, но даже в этом случае нужно ещё не потерять этот поток. Может быть, нужна и некая сознательная работа, некий внутренний двигатель, который поможет не потерять высоты (а иногда и набирать её).

Может быть, крылья, которые нас держат, – это способность видеть глубинный облик любимого человека. Сочувствовать его идеальному прообразу, замыслу об этом человеке, о его личности. Любить за то, чем он *может* быть – или даже чем *мог бы быть*. Ведь это и есть ядро его души.

Может быть, этот полёт, который мы зовем чувством любви, – это жизнь ради главного. Ради главного в том, кого мы любим, а вместе с тем и в себе самом, потому что это соединяется в одно.

Может быть, это способность обратить ощущение в переживание, повседневное – в незабываемое, временное – в вечное...

Узнавание

Подъёмная сила любви, преодоление ею инерции и механичности обыденной жизни – наиболее яркие признаки этого чувства. Отношение к любимому человеку не объяснимым логически образом приобретает особую важность и особый смысл.

В чём-то меняется само мировосприятие человека. Сильнее стали интуитивные ощущения, по-иному освещены прежние ценности, возникают новые, усиливается духовное развитие личности. Но жизнеспособность чувства любви связана, по-видимому, ещё с одним обстоятельством, заслуживающим особого внимания.

Это – знание любимого человека. Даже не итоговое знание, вряд ли оно возможно, а скорее долгое постепенное узнавание...

Если сравнить чувство любви и влюблённость, именно здесь обнаруживается поразительное различие.

Влюблённость разбрызгивает свои переживания во все стороны, восклицая с пенистым восторгом: «Я люблю весь мир!» – или приходя в уныние: «Ничто мне не мило!» Но это скорее самовыражение души. «Предмет» влюблённости остается в некотором смысле именно предметом, объектом.

Чувство любви обращено к личности любимого человека. Оно предпринимает отчаянное путешествие в глубину другой души. Обогащённое узнаванием, оно меняет наш взгляд и на мир, и на человеческую природу вообще. Любящий человек, в отличие от влюблённого, открыт *навстречу* – и любимой душе и остальному миру.

«Знать человека» звучит довольно условно. Понятно, что знание никогда не будет исчерпывающим. Меняются обстоятельства, меняется сам человек – и речь вовсе не о предсказании его поступков. Узнавание в любви относится к тому, что есть в человеке настоящего, глубинного, главного. Одновременно мы узнаем это и в себе, иначе нам просто нечем было бы воспринять главное в другом человеке. Но вместе с тем мы узнаем и о том, что препятствует подлинной жизни...

Узнавание – основная потребность чувства любви, но и основная опасность для него. Именно узнавание чаще всего приводит к крушению этого чувства. Кто же пытается, опасаясь разочарования, оберечь свое чувство от знания о любимом человеке – оберегает его и от той высоты, на которую ему нужно взлететь, чтобы выйти из детства. Инфантильное чувство, для которого барьер узнавания оказался слишком высок, обречено на разрушение – быстрое или медленное.

Несостоятельность чувства, так и не ставшего подлинным чувством любви, тоже ведёт нас к узнаванию. К узнаванию собственной души, которую трудно обмануть надолго.

Сон про тихих старичков

Рыжим котом сидел я на стуле в маленькой кухне и следил за своими тихими старичками. Каждый кот в сердце своём романтик, не забывший тигриную свою суть. И я слегка презирал тихих своих домоседов за тихость и домоседство. Подумаешь, рыцарство – заварить свежего чая! Подумаешь, самоотверженность – нажарить оладий!..

Мой старичок писал картины, и сейчас он сидел, колдуя над красками, разводя их и перемешивая. А старушка – мяу! смешно! – сочиняла стихи. И сейчас она склонилась над перочёрканным листом бумаги и черкала там ещё сильнее. Известно уже: навдумывают чего-то, а потом начнут восхищаться друг дружкой. Ах, какая картина! Ах, какие стихи!.. Муррра!..

В дверь застучали. Старичок заторопился к двери, глянул в глазок и досадливо крикнул. В дверь ударили так, что она крикнула ещё сильнее. Не люблю я таких стуков, но хозяин открыл.

Мне оставалось лишь фыркнуть: на пороге стоял мерзкий сосед, пинающий меня башмаком под брюхо. «Одолжи чирик!» – завёл он свое вечное заклинание, и, увидев отрицательный жест, угрожающе шагнул в квартиру.

Старушка побледнела, она знала, что сосед-хулиган способен на всё. Я вздыбил шерсть; наверное, это было красиво и грозно, но на соседа почему-то не подействовало.

А хозяин схватил свою кисть и, подбежав к стене, несколькими взмахами обрисовал там фигуру. И соседище, уже взмахнувший кулаком, вдруг влип в эту фигуру, заполнил её и превратился в маленькое нелепое чудище с тёмными кругами злобы в глазах. Чудище заплясало, негодуя на свое превращение, и вдруг, выставив из стены две когтистых лапы, ухватило и потащило к себе моих старичков.

Нет, уже не старичков! Юные и прекрасные, они с кошачьей (да-да) гибкостью увернулись от чудища в уходящем вглубь пространстве живописной стены и, спина к спине, одновременно сверкнули оружием. Кисть превратилась в шпагу с золотым эфесом, а карандаш моей хозяйки-сочинительницы стал пистолетом с длинным воронёным стволом и узорчатой изящной рукояткой.

Я в восторге мяукнул, когда выстрел и удар поразили чудище и оно рассыпалось на мелкие крошки. Но из-за кустов появились новые невообразимые твари. Одни стремились ужалить в поясницу, так чтобы человек охал и кричал, потирая спину. Другие облепляли голову липкими щупальцами. Третьи въедались в руки и ноги...

Ах, как сражались мои хозяева! Как они защищались и защищали – он её, она его! Мяу! Я прыгнул к ним и почувствовал, как расту в собственных глазах. Царственным тигром улёгся я на пригорке, уверенный в нашей победе, и ободрял юную влюблённую пару царственной улыбкой.

Место в душе

Если чувство любви властвует над всем сознанием человека, это вполне достойно поэтического восхищения. Но руководить другим чувством, помогать ему в его заботах – чувство любви не предрасположено. Оно достаточно сосредоточено на своём предмете, и это естественно.

Другое дело – тот общий настрой, который способно задать душе это чувство. Постигая тайны самого близкого к нему другого внутреннего мира, человек становится способнее к пониманию других людей и их отношений. Любовь способна одухотворить нас и вдохновить на то, что нам не под силу, пока мы остаёмся в невидимом круге эгоцентризма. Даже в самое высокоорганизованное сознание любовь вносит особую энергию, без которой всё немножечко не так. А иногда и совсем не так.

Содействие и противодействие

Пока чувству любви не удастся упрочиться в душе среди других чувств, пока его свет и жар не станут необходимы для всех сограждан внутреннего государства, ему приходится непросто. Ведь все прочие чувства рядом с чувством любви подвергаются испытанию. И каждое из них по-своему участвует в испытании нового чувства.

Любовь – это прежде всего возмутитель спокойствия. Во встрече с другой душой всё привычное подвергается пересмотру. Что-то становится гораздо прочнее, и это опора для любви. Что-то требует переименования. Что-то оказывается несовместимым с новыми переживаниями, и здесь необходима внутренняя работа. Дело в том, готовы ли мы к этой работе.

Готовы ли мы вообще к любви? И лучше ли это – быть готовым?

Может быть, внутренняя «готовность к любви» подталкивает нас к подмене любви влюблённостью. К подмене чувства – эмоциональным волнением. К подмене жизненного выбора – совпадением обстоятельств... А неготовность к чувству, которого пока нет, мы уважительно называем целомудрием.

Но не будем восхвалять и внутреннюю забронированность. Человек, сосредоточенный на себе самом, эгоистически заикленный, может умертвить в себе саму способность к любви. Это трагедия.

Между этими двумя драматическими полюсами нам остается выбирать свой образ внутренней жизни. Выбирать до тех пор, пока это не потеряет всякое значение перед живым чувством.

Отклик

Говоря о внутреннем мире, нам приходится отказаться от такого взгляда, когда под словом «любовь» подразумевают отношения или взаимные чувства двух людей. У нас речь идёт прежде всего об одном внутреннем чувстве. О *моём* чувстве, автор я или читатель.

Но ведь именно чувство любви особенно нуждается в отклике, в ответе от того, кого любишь. И отклик этот столь важен, что отсутствие его представляет для чувства любви особое, решающее испытание.

В некотором смысле безответное чувство ярче всего выражает суть любви. Оно поднимает человека над привязанностью к себе, над механикой психических шестерёнок. Да и само *существование* любимого человека уже является откликом на чувство к нему.

А взаимность, ответное чувство? Всегда ли мы верно воспринимаем его? Иногда человек способен интерпретировать как взаимное чувство любое поведение любимого человека, даже близкое к равнодушию, даже антипатию. Бывает и наоборот, когда ревнивому чувству любви недостаточно никакой взаимности, никаких ответных импульсов другой души. Как же быть? Неужели всё здесь настолько субъективно и размыто?

Наверное, не всё. Достаточно реально то, что внутренняя сила чувства любви состоит, в частности, в определённой его независимости от взаимного чувства. А насколько реальна сама взаимность чувств, можно судить по их взаимодействию друг с другом.

Любовь как сотрудничество

Начальная жизнь чувства любви, его детство и юность, – это прежде всего период узнавания. Сама возможность узнавать другого человека на волне любви открывает новое измерение в нашей жизни. Но через эту возможность мы выходим и к другой, ещё более глубинной возможности. Это взаимопроникновение двух внутренних миров.

К мужскому взгляду на мир присоединяется женский. К привычным ценностям – не совсем привычные. К рациональному способу мышления – интуитивный... Душа обновляется снова и снова, потому что для её деятельности появилась та самая точка опоры, лежащая вне её, о которой мечтал Архимед.

Всё это трудно поддаётся описанию. Можно лишь прикоснуться мыслью к сути этой особой работы. Выход любви из детства. Обретение душевной стереоскопичности виденья жизни. И особое, раскрытое к другому развитие внутренних свойств. И помощь другому в развитии... Звучит сухо и плоско. Но за этим стоят прекрасные и трудные события реальной жизни.

Наверное, бывает любовь благодатная, не сталкивающая человека с внутренними проблемами. Не будем противопоставлять её тому чувству, которое обнаруживает проблемы и заостряет их. Неизвестно, в чью пользу будет сравнение. Ведь проблемы, которые мы преодолеваем с помощью чувства любви, – это те же духовные внутренние проблемы, с которыми сталкивают нас и другие глубинные чувства.

Как укротить свое жадное «эго»? Как научиться принимать ценности другого и соединять их со своими? Как, изменяясь, сохранять свою личность? Как воспользоваться поддержкой помощника – любимого человека? Как самому стать для него помощником?... Здесь и труд, и сотрудничество, и придающий им смысл и вкус витамин любви.

Великая асимметрия

Забывая порою собственную природу, мы поддаёмся соблазну видеть себя неким абстрактным *человеком*, не пройдя путь осознания себя мужчиной или женщиной. Чувство любви оживляет в нас потребность в таком осознании и позволяет нащупать более естественный путь развития. Хаос, физический или духовный, действует в противоположную сторону – стараясь всё смешать в неразличимую массу.

Сон про соединяющий раздваиватель

Аптекарь порхал вокруг меня, как бабочка. Как только я вошёл в аптеку, витрины которой были занавешены шторами в замысловатых узорах, он тут же бросился навстречу, усадил меня в уютное плюшевое кресло и принялся хлопотать, ни о чём не расспрашивая. Седобородый, в сверкающем белизной халате, с непослушными прядями, выбивающимися из-под накрахмаленной шапочки, он был заботлив, словно я был единственным посетителем за всё время существования его аптечного заведения.

«Что у вас болит сердце, это мы уладим быстро, – бормотал он будто бы про себя (за этим я и зашёл в аптеку, хотя и не успел сказать об этом). – Вот выпейте этого коктейля (напиток в высоком стакане состоял из ароматной сладковатой пены, от двух глотков которой сердце утихло), но это не самое главное... Ну-ка посмотрите мне в глаза, так, так... Ну да, конечно, соединяющий раздваиватель в пропорции семь десятых...» Аптекарь уже сидел за своим столиком, что-то смешивал в стеклянных посудинках, и я знал, что ни за что на свете не откажусь от предложенного им снадобья. Пену я допивал с упоением, узоры на оконных шторах источали ласковое сияние, и оживали, превращаясь в иллюстрации к бормотанию аптекаря.

Вот ребёнок, умиляющий нас цельностью своего существа. Ребёнок, ангелёнок, ещё несущий в себе искру космического единства. Он смеётся мне со шторы, и я вижу, что ему нет нужды в соединительных усилиях. Вот прозрачный облик святого, благодатно сохранившего свою цельность на всю жизнь. Но узорчатая круговерть колыхнется, и из неё выплывают обычные люди – взрослеющие, взрослые, стареющие. Каждый из них, отделяясь от детства, от единства с миром, остаётся замкнутым в себе, и жаркий огонек эгоизма, самососредоточенности потрескивает в каждой душе, грозя охватить её пожаром. И тут приходит на помощь спасительный раздваиватель, помогающий одной душе узнать и полюбить другую. Соединительный раздваиватель, перекидывающий мостик от души к душе, а значит и от души к космосу, ко вселенной, к центру жизни.

Шторы колыхались, узоры превращались в фигуры, фигуры в узоры, голос аптекаря вёл свой тихий рассказ, а руки его продолжали мастерить таинственное снадобье...

Угасание или неугасимость

Те, кто пытается свести чувство любви к житейскому психологическому механизму, так и этак обосновывают неизбежность угасания этого чувства, перехода любви в «глубокое уважение» и так далее. Есть много способов обесмысливать то, до чего не дотягиваешь. Но духовный смысл у любви может быть только вневременным, родственным вечности.

Или душа нашла особую, глубинную, космическую связь с другой душой – или не нашла, тогда ни о чём особом говорить не приходится. Любовь умирающая – это в лучшем случае лишь *попытка любви*, неудавшаяся её попытка.

Ощущения, связанные с неугасимостью любви, знакомы даже тем, чья попытка позже потерпит крах. Клятвы в вечной любви свидетельствуют о том, что мы знаем, каким должно быть это чувство.

И насколько же важен опыт тех, кому попытка любви удалась! Тех, кто внутренне знает о непрекращаемой связи, даже с ушедшим человеком, о связи к нему и от него. Правда, этим знанием нелегко поделиться.

Любовь как усвоение

Спасая человека от внутренней механичности, от эгоцентрической заикленности, от одностороннего виденья мира, чувство любви постоянно наделяет его новым внутренним знанием. Пытаться изолировать это знание от прочих чувств и переживаний, считая чувство любви чем-то отдельным, лишь примыкающим к остальной душевной жизни, означало бы не заметить в нём самого главного.

Чувство любви в высоком, напряжённом смысле этого понятия – это конечно же чудо, вошедшее в нашу судьбу. А чудеса зря не происходят. Это источник светлого знания о подлинной природе человека, о его душевных возможностях. Знания интуитивной природы, которое может вступать в парадоксальные противоречия с нашим рациональным, житейским знанием. И наша способность усвоить *знание любви*, воспользоваться им в своём развитии многое определяет в истории нашей души.

Раздел 2

Чувство любви

Попытка присмотреться получше

Чувство любви – одно из самых важных человеческих чувств. И вместе с тем – одно из самых загадочных. Каждый человек знает о нём что-то своё, особое, существенное для своей жизни. Знание это может быть положительным или отрицательным, романтическим или циничным, эмоциональным или умозрительным, оно может быть основано на реальных переживаниях или на воображении, но оно есть у каждого.

То, что отдельный человек знает о любви, трудно передать другому. Но если это всё-таки удаётся, если связанные с этим чувством переживания и мысли находят путь к нашей душе, она становится богаче и глубже. Опыт человечества позволяет нам внимательнее и тоньше воспринимать то, что происходит или может произойти с нами самими. В этом нам помогают искусство, литература, поэзия, музыка. Может в этом помочь и философия.

О чувстве любви уже говорилось в предыдущей части. Говорилось кратко, как и об остальных чувствах, – чтобы дать хотя бы самый общий набросок. Теперь возьмёмся за дело заново, сосредоточившись именно на этом чувстве и глядя на другие с его точки зрения. Конечно, и более обстоятельное изложение неминуемо окажется всего лишь наброском, но углублённое внимание позволит нам увидеть, что даже одно-единственное чувство представляет собой целый мир, неисчерпаемый для того, кто в него входит.

Очертания темы

Сюжеты любви неисчерпаемы. Ими переполнена история человечества, их бесконечно варьирует литература, к ним внимательно искусство, да и само наше живое окружение снабжает нас разнообразнейшим материалом. Но здесь мы не будем перебирать и классифицировать эти сюжеты. Попытаемся говорить о главном, о самой сути чувства любви.

Не будем стремиться и к слишком обобщённому пониманию слова «любовь». Конечно, можно было бы попробовать включить сюда и супружескую любовь, и любовь к детям, и любовь к родителям, и любовь к родине, и любовь к своему делу, и даже любовь к самому себе. Это было бы вполне естественно: в подобных чувствах много общего, все они дают особую силу жить и действовать, как сад даёт цветы и плоды. Но растения имеют разное назначение, и каждый вид требует своего ухода. Хотя всевозможные особенности чувств у разных людей и к разным людям размывают границы, отделяющие чувство любви, скажем, от чувства дружбы или от чисто эротического влечения, постараемся не удаляться от исходной точки. Речь пойдёт исключительно о чувстве любви мужчины к женщине и женщины к мужчине.

Само выражение «чувство любви» тоже сужает круг рассмотрения. Под словом «любовь» часто подразумевают не только чувство, которое испытывает сам человек, но вместе с тем и ответное чувство, и проявления каждого из этих чувств, а также обстоятельства их возникновения и существования. Любовь в таком понимании представляет собой многосложное социально-психологическое явление, имеющее множество разнообразных аспектов. Однако в основе этого явления лежит именно *чувство любви* – внутреннее и индивидуальное (хотя оно и направлено на кого-то вовне) переживание.

Останется в стороне и психофизиологический механизм формирования и развития чувства любви. Научное углубление в микроструктуру душевных процессов увлекательно для исследователя и внушительно для стороннего человека, но быстро уводит от понимания жизненной сущности изучаемого. Когда же мы говорим о проблемах душевной жизни, прежде всего важна именно нерационализируемая, но совершенно реальная духовная сущность происходящего с человеком. Пусть психология анализирует, *как*, за счёт движения каких психических шестерёнок совершаются в сознании те или иные процессы. Философия призвана в первую очередь заметить, *что именно* происходит в человеческой душе, выделить главное, и постараться помочь человеку ориентироваться в происходящем.

Отказавшись от взгляда на чувство любви «снизу», с точки зрения его механики, мы откажемся и от взгляда «сверху», то есть от конкретных духовных интерпретаций этого чувства. Несомненно, что подлинная любовь содействует высшему развитию человека, но пытаться уточнить источник этого её качества (то есть доказывать божественную природу или эволюционно-биологическое значение любви) означало бы зайти в совершенно иную область, нежели мир чувств. А выражение «мир чувств» даёт, пожалуй, наиболее краткое описание границ, в которых будет происходить дальнейшее изложение.

Итак, мы будем говорить об одном из интереснейших жителей внутреннего мира человека. Об одном из граждан государства чувств, который может входить в число его правителей, а иногда становится и единоличным деспотом. Но даже когда это чувство не главенствует над всеми прочими чувствами, оно играет свою заметную роль и требует к себе особого внимания.

Осталось признаться, что не только это введение, но и всё сказанное здесь о чувстве любви представляет собой лишь «очертание темы». На что ещё можно надеяться, прикасаясь к одной из основных тайн человеческого существования?..

Отличительные признаки

Человеческая жизнь протекает под воздействием самых разных природных закономерностей. Человек представляет собой физическое тело, как щепка или камень, – и так же, как они, подвластен классическим законам механики. Но в отличие от щепки или камня он способен – уже за счёт биологической «механики» – распоряжаться закономерностями неодушевлённого мира. С помощью психической механики человек овладевает механикой биологической. Похожим образом соотносятся психический и духовный уровни существования... Можно сказать, что на любом уровне поведение и сознание человека пронизано *своей* механичностью, но каждый более высокий уровень выглядит преодолением механических законов, действующих на предыдущих уровнях, победой над ними, хотя несколько этих законов не упраздняет.

Не будем здесь задаваться вопросами о том, сколько ступенек в этой лестнице, сколько в ней уровней механичности и куда она приводит. Достаточно согласиться, что уровень душевного существования человека выше многих других уровней и ниже уровня духовного существования.

Различие между душевным и духовным уровнем можно представить, в общих чертах, как различие между раздробленностью и цельностью, между разноречивым миром чувств и самосознанием *личности*. Душевный уровень – это способность к постижению конкретных жизненных истин, меняющихся с возрастом и с новоприобретённым пониманием жизни. Духовный – способность к овладению истинами центральными, устойчивыми к любому расширению опыта.

Некоторые чувства по своей природе способствуют духовному развитию душевного мира, преодолевая свойственную ему механичность. Другие же склонны скорее поддерживать внутреннюю механику души, полностью опираясь на неё сами.

Антимеханичность – способность к преодолению механичности душевной жизни – в высшей степени характерна для чувства любви. Конечно, существуют и другие чувства, которые способствуют формированию слитного сознания, освещают отдельные ощущения особым радостным светом, подводят к освоению сути жизни, – но именно такие чувства мы сравниваем обычно с чувством любви. А чувство любви сравниваем с ними.

Но с другими чувствами мы любовь не спутаем. Ведь её отличительными признаками будут и *направленность на другого человека*, и *половая полярность* с этим человеком.

Об этих признаках тоже стоит подумать углублённо, чтобы наше представление о чувстве любви было рельефнее.

Направленность чувства на другого человека не только ограничивает чувство любви от «имперсоналистичных» чувств (чувство призвания и т.д.), но означает также особую реакцию на особого человека – реакцию, не позволяющую заменить один объект другим.

Половая полярность говорит не только о самом факте гетеросексуальности чувства, но и о том, что оно существенно проникнуто этим обстоятельством, что взаимодействие мужского и женского начал играет здесь немаловажную роль.

Что касается антимеханичности чувства любви, она проявляется и в большом и в малом. Приподнимая нас над обычными механизмами душевной жизни, чувство любви сказывается вместе с тем и на характере отдельных наших поступков – иногда серьёзных, иногда незначительных.

Можно выделить ещё один признак, менее самостоятельный (его можно считать просто одной из сторон антимеханичности), но обладающий особенно яркими проявлениями. Это *неподчинённость внешним обстоятельствам*. Свойство это является, наверное, самым попу-

лярным способом оценки того, насколько «велика» любовь, – в ситуациях, предлагаемых жизнью или искусством.

Пытаясь нащупать, какой смысл мы вкладываем (или должны вкладывать) в представление о чувстве любви, не приходится рассчитывать на какой-либо точный критерий, с помощью которого можно было бы определить в каждом конкретном случае: вот это любовь, а это не любовь. Цель разговора об отличительных признаках – высветить понятие о чувстве любви, возбудить внимание к его особенностям.

Вполне можно было бы продолжить перечень признаков. Сказать о стремлении к близости с любимым человеком (к близости физической, эмоциональной, духовной). О том, что эта близость не приедается. О влиянии мировосприятия того, кого любишь, на собственное мировосприятие. О распространении положительных эмоций, порождённых любовью, на окружающих... Но постараемся удержать мысль на главном.

И вообще – не напрасно ли мы ищем отличительные признаки? Так ли уж важно отличать любовь от других чувств и переживаний – от симпатии, дружбы, расположенности, влечения?... Не лучше ли, напротив, стараться *не* делать такого различия? Видеть любовь во всём, в самых крошечных искрах неравнодушия.

Но вопрос не только в том, как *смотреть* на любовь. Важно ещё и то, как мы обращаемся с нею, как участвуем в её жизни. И тогда снова становится ясно, зачем присматриваться к признакам: нужно понимать возможности развития, а они для разных чувств различны.

От детства к юности

Детство любви – это самый увлекательный период. Как зарождается влюблённость?.. Как она становится пылким чувством?.. На детстве любви сосредоточена большая часть не только посвящённой любви беллетристики, но и житейских представлений о любви. Но всё-таки детство любви – всего лишь начало, всего лишь возможность того великого чувства, которое соразмерно с человеческой жизнью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.